

ДИНАСТИЯ РУССКИХ КРАСАВИЦ

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

Преступное венчание

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии
Андрея Саукова, Филиппа Барбышева
Иллюстрация на обложке *Павла Трофимова*

Ранее роман выходил под названием
«Тайное венчание»

Арсеньева, Елена.
А85 Преступное венчание / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2018. — 480 с. — (Династия русских красавиц).

ISBN 978-5-04-098029-1

Сиротки Лиза и Лисонька, воспитанные теткой, с детства делили на двоих радости и печали. А потому, когда Лисоньку посватали за постылого ей князя Алексея Измайлова, Лиза, напротив, в него влюбленная, отправилась на тайное венчание вместо сестры. Однако в тот злополучный вечер молодым открылась тайна: невеста — единокровная сестра Алексея. Только вот князь так и не узнал, что под фатой пряталась другая... Лиза, спасаясь от родового проклятия, решила бежать подальше от дома. И окунулась в жизнь, полную опасностей и приключений. Доведется ли Лизе, попавшей в гарем крымского хана, вновь увидеть родную землю и того, с кем она когда-то венчалась?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2018

© Оформление.

ISBN 978-5-04-098029-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КНЯЖЕСКИЕ ДЕТИ

Глава 1 ВЕНЧАНИЕ

— Венчается раб Божий Алексей рабе Божией Елизавете во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...

Голос священника чуть слышен, а лица вовсе не видать. Колышется неясная тень, торопливо творя обряд.

Тьма стусилась в углах храма, куда Алексей старается не глядеть, чтобы не встретить укоряющие взоры угодников. Слабые отсветы трепещут на пронзенных ладонях Спасителя; руки Христовы, прибитые к кресту, чудится, дрожат от боли, и князь холодеет от затылка до пят.

— Венчается раба Божия Елизавета рабу Божию Алексею во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...

Батюшка прибавил голосу, и бас его слился с грозным гулом ветра. Алексей вспомнил: когда они с Николкой Бутурлиным торопливо пробирались по залитой жидкой грязью Ильинке, церковные колокола единогласно возвещали окончание вечерни. Звонили у Михаила Архангела в кремле — тяжело, грузно, у Петра и Павла под откосом — надрывно, у Николы на Торгу — всполошенно, у Жен-Миро-

носиц над Почаинским оврагом — залиvisto; доносился перебор с колокольни Строгановского величаво-нарядного храма — на все голоса. Слышалось Алексею, будто кто-то приказывал: «Стой! Стой! Стой!» И если б не вышагивал рядом возбужденный, задыхающийся Николка, может, и приостановился бы Алексей, может, одумался, не явился в молчаливую, словно тайная западня, церковь на Ильиной горе, где ждала его невеста...

Впрочем, увидевши в темном уголке согбенную фигуру в черном салопчике, Алексей приободрился, встрепенулся, позабыл свое смутное беспокойство, даже сунулся поцеловать, но не тут-то было: девушка, словно стыдясь чужих, отшатнулась, отвернула укрытое флером¹ лицо.

— Виновен, запоздал! — покаянно зашептал Алексей. И это было все, что он успел молвить, ибо Николка нетерпеливо звякнул шпорой, а ба-тюшка, прогудев: «Чада, не мешкайте!» — грузно двинулся к аналою. Николка повел невесту, жених пошел следом, и тайный обряд, развязка скороспелого Алексеева романа, начался.

— Да оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едины. Тайна сия велика есть...

Алексей ощутил, что рука Лисоньки совсем застыла. Он стиснул ледяные пальцы так, что девичий перстенок впился в кожу, но князь крепче и крепче сжимал безвольную руку, словно пытаясь найти в ней опору и развеять свои внезапные сомнения.

¹ Шелковая, очень тонкая, прозрачная ткань.

Да что это вдруг содеялось! Что с ним? Где былая страсть, где щемящая нежность? Ведь лишь вчера слова его медоточивые рекой лились, а ныне горло иссохло от невысказанных смутных предчувствий. Отчего ж тайна, и тьма, и близость счастья не радуют, не задорят, а лишь пугают, щемят сердце?

За стенами взвился из-под обрыва клуб ветра и, объяв махонькую церковку, сотряс ее до основания. Погода поднялась жестокая, немилостивая, и Алексей, вспомнив, как безоблачно сей день начинался, снова ощутил неладное и слегка колыхнул свечкой, попытавшись сотворить крестное знамение.

Ишь, спохватился! А разве не знал, что тайное венчание — это грех?! Где ж вы прежде были, разум-друг и совесть-матушка? Отчего раньше не осенили молодую, удалую, излишне пылкую головушку? Поздно! Уже чуть-чуть приподняла невеста фату, открыв поцелую жениха дрожащие, холодные губы, уже произнесены последние, роковые слова, надеты венчальные кольца, и вот об руку с женой князь Алексей идет, не чуя ног, к дверям, за которыми ночь и тишина, а внизу, под крутояром, колыхнется лодка, и...

Вдруг кто-то с такою яростью заколотил снаружи в двери церкви, что зажатые засовом створки заходили ходуном.

— Господи Иисусе! — выдохнул, крестясь, бабюшка. — Ктой-то? Стража? Вовлекли вы меня, злобесники!..

— А, черт! — заскрежетал зубами Николка, выхватывая шпагу и загораживая собою молодых. — Измена?

— Отворите-е! — глухо, отчаянно раздалось за дверью, и она снова затряслась под градом ударов. — Отворите же, ради Господа Бога!

Алексей не поверил ушам. Этот ужасный голос... чудится, что ли? Да ведь то Неонила Федоровны голос. Тетушки Лисонькиной!

Зачем она здесь? Сговорено же все, обдуманно! Она как бы не знает, не ведаёт ничего о бегстве племянницы, ну а через недельку-другую Алексей с Лисонькой напишут ей уже из Москвы, а потом и в ножки кинутся, выпрашивая прощения и благословения...

Сговорено-то сговорено, однако в голосе, который рвется из-за двери, такое неистовство, словно не ею же придуманное венчание вершится здесь, а самое малое — тайное душегубство!

— погоди, Николка, — тихо сказал Алексей. — Спрячь-ка шпагу. Там тетушка. Надо отворить.

Он шагнул было к выходу, как вдруг Лисонька стиснула его локоть и прошелестела:

— Нет, не надо! Не надо!

— Полно, милая, — молвил Алексей, и прежняя нежность прихлынула к его сердцу. — Теперь бояться нечего. Я с тобою!

Николка поднял скрипучий засов. Дверь распахнулась. Резкий запах осенней свежести и сырости наполнил сладко благоухающий храм, и вместе с порывом ветра в полутьму ворвалась высокая фигура тетки Лисоньки — ростовщицы Елагиной. Алексей различил растрепанные седые волосы, искаженные черты, торжествующую, злобную усмешку, и вдруг понял: вот сейчас некая откроется истина. И она будет ужасна.

— Знаешь ли, кто муж твой? — проговорила Неонила, высокомерно глядя на замершую девушку. — Знаешь ли, с кем повенчана богопротивно и мерзко? — Помолчала, словно наслаждаясь созерцанием четырех застывших фигур, испуганных лиц, и выплонула: — Венчалась ты с братом единокровным!

Словно молнией пораженные, замерли и молодые, и дружка, и поп. Неонила Федоровна приблизилась к Алексею:

— Тебе, князенька, поди, невдомек, что Марья-то Павловна, покойница, вовсе не маменька твоя. Небось не помнишь, что в хоромы барские ты взят был из холопской избы. И родила тебя та самая Пелагея, кою кормилицею и нянькою твоею называли. Ты, князюшка, выbledок, байстриук, незаконнорожденный, а крови твои дворянские мутной водицею разбавлены!

Замолчала, с глумливою улыбкою глядя на Алексея, который был бы поражен, наверное, менее, если бы Неонила Федоровна сообщила, что он — делатель воровских денег или атаман понизовской вольницы¹. Только и смог, что пролепетать, хватаясь за последнюю соломинку:

— Но у меня нет сестры...

— Есть, князенька! — злорадно ослабилась в полутьме Неонила Федоровна, напоминавшая Медузу-Горгону с этими полуседами прядями, вздыбленными сквозняком. — Есть! Тебя-то со скотницей

¹ Воровские деньги — фальшивые; понизовская вольница — волжские разбойники. *Здесь и далее прим. автора.*

Палашкой почему в покои взяли? Потому что цыгане твою сестру-младенца со двора снесли. Нянька проспала, цыгане подкрались — вот и сгнуло дитя. Словно сквозь землю провалилось. Никто ее в живых не чаял больше видеть, заупокойные службы служили по рабе Божией Елизавете!

Что-то такое слышал Алексей... какие-то слухи о батюшкиной болезни, о тайной, смертельной тоске, которая и свела в могилу княгиню Марию Павловну...

— Дитя не нашли, — вновь раздался голос Неонила Федоровны. — Да и как же найти было? Искали-то в лесу, у цыган, а девочка была у меня! Батюшке-князюшке небось и в голову не вошло. Где ему! Его память на баб короткая. Много таких, как я, было у него, множество! Пелагеюшка — дура из их числа. Но они все забыли да простили, а я — нет. Я — нет!..

— Наговор это! Ложь гнусная, небывалая! Не слушай, Алешка! Коли так, пускай она докажет! — возбужденно выкрикнул верный Николка.

Неонила Федоровна так резко оборвала хохот, словно его обрубали.

— Нишкни! — отмахнулась она от Николки треперстием. — Изыди! И тебе ведь от суда не уйти, коль не смолкнешь. Ты, гвардейский офицер, соучастник кровосмесительного венчания! А что про доказательства... пускай князь молодую в дом отцов приведет, да отворит покои княгинины, что с самой ее смерти стоят заперты, да рядом с парсуной¹ Марьи Павловны свою жену поставит. Одно лицо,

¹ Портретом (*устар.*).

вылитая! Жена твоя, Алексей Михайлович, чистых кровей: по матери Стрешнева, по отцу Измайлова. Повезло тебе, как видишь: ты, выблядок, дворянку столбовую взял! Радехонек будет Михайла Иванович сношеньке, возликует, что дочушку нашел родимую!

Алексей оцепенело молчал. Ни мыслей, ни чувств. Холод во всем теле — и ничего более.

Внезапно та, с которой он только что обвенчался, бросилась вперед, обогнув Алексея и Николку.

— Тетенька! За что?!.. — возопила она и, заломив руки, пала на колени перед черной пугающей фигурой.

Неонила Федоровна вздрогнула так, что ее даже шатнуло в сторону, потом быстро нагнулась и дрожащей рукой потянула с лица девушки фату. Глаза ее расширились, рот задрожал... она резко выпрямилась, постояла какое-то мгновение — и тяжело рухнула навзничь.

Алексей, священник, Николка, разом выйдя из столбняка, бросились к ней, приподняли. Пламя свечи отразилось в неподвижных, широко раскрытых глазах.

Неонила Федоровна была мертва.

* * *

Даже и потом, после, уже поуспокоившись, не мог порядочно вспомнить Алексей все бывшее с ними в ту ночь. Смутно, будто сквозь туман, видел, как Николка выхватил из кармана горсть монет и сунул их в ладонь попа, к горлу которого было приткнуто острие шпаги.

— Пикнешь кому, — прошипел Николка, — тогда ищи, кто тебя отпевать станет. Понял, батюшко?

Тот лишь заводил глаза, постанывая.

— Скажешь: на молитве, мол, женщине дурно сделалось, — наставлял Николка. — Упала — и дух вон. Ты и знать не знаешь, ведать не ведаешь, кто такая да почему. Понял ли?

— По-нял... ей-богу... — наконец прохрипел поп, и Николка, еще разок, для остротки, тряхнув его, схватил за руки молодых и вытащил их из церкви.

Тьма на крутояре стояла непроглядная. Лишь когда ветер разрывал облака в клочья и меж ними проглядывал мутный зрак луны, можно было различать дорогу.

Ноги у Алексея подгибались, он еле шел, доставив Николке самому вести... О, господи! Невесту Алексееву? Жену? Сестру? Как теперь называть ее?! Осознание, что злее его судьбы нет и не будет на свете, что так и суждено ему теперь в тоске и страхе жизнь проводить, подкашивало ноги. Вдруг привиделось лицо отца, искаженное гневом при встрече с сыном, который вел жизнь беспутную, праздную и наказан заслуженно...

Алексей и не заметил, когда и как миновали Нижний посад с его такими шумными днем торговыми рядами. Сейчас здесь царила тьма, но все же гудел приречный кабак, притулившийся, будто бесово семя, меж двумя благочестивыми церквями: Троицкой и Рождественской.

— Сейчас, — проговорил Николка. — Ужо, погодите-ка!

Он отпустил руку Лисоньки и побежал к кабаку, испустив три резких коротких свиста. Девушка пошатнулась, видимо, не в силах стоять самостоятельно, и, чтобы не упасть, привалилась к Алексею. Тот невольно прижал ее к себе, и она, будто только того и ждала, зашлась в слезах.

Алексей глянул ввысь. Тучи неслись, то открывая небо, то вновь затягивая его непроницаемой черной завесой. Не было дела им, быстро бегущим, до двух несчастных, что стояли на берегу разбушевавшейся Оки.

Прибежал запыхавшийся Николка, волоча за собой мужичонку в треухе и хилом армячке. С этим мужичком, понял Алексей, и было сговорено еще вчера о перевозе в заречное Канавино, откуда уже лежал дальний, объездной путь на Москву, к отцу...

К отцу!

— Прости, барин! — с трудом выговорил мужичок, и только тут заметил Алексей, что он едва держится на ногах с перепоею. — Что попритчилось-то? Вышел еще засветло к берегу, а лодчонки нет как нет. Лихие люди кругом, разве уследишь? Пустили меня, бедного, по миру. Да и погода, батюшка, погодка суровая. Как пить дать, затопит. Лучше бы завтра вам отправиться, а к завтраму я лодку для вас сыщу.

— Будь по-твоему, лапотина черная! — Николка переводил взор с бушующей реки на трясущегося не то от холода, не то со страху мужичка. — Иди

уж, допивай свое. Мы переночуем на этом берегу, а утром переправимся.

— В своем ли ты уме?! — вскинулся Алексей, но Николка, сверкнув на него глазами, подтолкнул пьянчужку к кабаку. Подождал, пока за ним захлопнулась дверь, произнес с укоризной:

— Ты что? Да он же выдаст нас, если... сам понимаешь! Надо след замести. Конечно, сейчас же и отправимся, но не в Канавино. Коли поп проговорится, нас поутру первым делом искать будут там или на тракте московском. Слушай-ка, у Стрелки¹ расшива² на якоре стоит: чем свет в Казань пойдет. Я третьего дня невзначай разговор на Торгу слышал. Доберемся, попросимся... а уж из Казани вернемся, как ни в чем не бывало: ты — в Белокаменную, я — в полк. Так оно верней будет.

— Хорошо. — Алексей благословил Бога за эту верную, непоколебимую дружбу, последнее свое утешение и надежду в горестях и напастях нынешнего дня. — Делай как знаешь. Только на чем плыть-то? Лодку ведь увели?

— Тьфу! Прости господи! — осерчал Николка. — Ты что, белены объелся? Или умом повредился? Да перевозчик, подлая душонка, врал, цену набивал! Я знаю, где он лодчонку держит. Вон там, у самой воды, под сараем.

¹ Место слияния Оки и Волги напротив Нижнего Новгорода.

² Парусное судно, легкое в ходу, требовавшее немного рабочей силы, отличалось большой скоростью и грузоподъемностью до 25 тысяч пудов.

Лодка была на месте, но до чего же оказалась эта посудина жалкой! Когда Алексей с Лисонькой разместились, а потом, резко оттолкнув лодку от берега, через борт перевалился и Николка, она просела, зачерпнув воды.

— Табань, табань правым! — испуганно вскрикнул Николка, ловко уворачиваясь от волны, едва не затопившей суденышко возле самого берега.

Гребцы с трудом справлялись с веслами, но воды прибывало.

Николка пошарил под банкой, вытащил деревянный ковшик, сунул его Лисоньке. Поняв без слов, она нагнулась и послушно зацарапала по дну, да неловко, слепо: мокрый флер липнул к лицу.

— Полно, княжна! Не до церемоний, право! Сбросьте эту тряпку, вычерпывайте проворнее, не то мы через две сажени ко дну пойдем!

«Княжна! — так и пригвоздило Алексея. — Княжна... Господи! Помогите! Помогите мне, ей! Сотворите чудо, Господи, и, клянусь, я... я...»

Он невольно всхлипнул и впервые порадовался разыгравшейся стихии, скрывавшей следы его малодушия.

Между тем Николка налегал на свое весло. Чтобы лодка ровно держалась против волны, Алексей тоже вынужден был грести изо всех сил.

Они потеряли счет времени, были мокры насквозь, жестоко иссечены ветром, когда сквозь тьму забрезжил слабый огонек на борту расшивы, то взлетающей вверх, то резко падающей вниз.

— Эй! — яростно табаня, завопил Николка и закашлялся, захлебнувшись ветром. — Э-ге-ей!